

Ник. Ефим. Олейников
Якутские рассказы

Из жизни севера Якутской области

Сикай чигас!

Был канун Покрова. Прошло не больше трёх дней как красавица Лена стала у Булун-Кусюра и её ледяной покров был сплошь завален большими глыбами льда — торосами, а среди них местами зияли трещины и полыньи.

Тунгус Ефимка, живший в своей походной урасе на булунском левом берегу Лены, едва дождавшись ледяного покрова моста, решил съездить в Кусюр на правый берег и пригласить меня осмотреть и полечить больную его жену Татьяну.

Часа в 3 дня он приехал ко мне.

После некоторых колебаний и неуверенности в безопасности дороги по Лене, я согласился съездить к Ефимке.

Когда мы выехали из Кусюра, то были уже северные октябрьские сумерки, слегка поросил снежок и дул небольшой северный ветер. Я сидел один на нарте, Ефимка вёл в поводу оленей, а его товарищ шёл впереди нас с таяхом — палкой и отыскивал более удобную без торосов, щелей и полыньи дорогу. Ехали мы тихо.

Временами Ефимка останавливался и что-то кричал своему товарищу, от которого доносилось в ответ:

«Манна, манна, дагор...» (Здесь, здесь, приятель.)

Чем дальше мы удалялись от берега, тем ветер становился всё сильнее и сильнее, снег застилал гуще дорогу, а якуты, всё чаще и чаще перекликались. Дорога была худая и нарта бросалась с одного тороса на другой, так часто и сильно, что удержаться на нарте и не полететь с неё, с каждой минутой для меня было труднее и я кое как сидел. Уже несколько раз до моего уха долетали слова товарища Ефимки:

«Тохто. тохто, дагор, сикай чигас...»¹

¹ «Постой-постой, друг! Полынья близко!»

Тогда мы останавливались, и Ефимка подолгу присматривался вдаль.

А я, переводя с якутского языка на русский, но, не зная слова «сикай», решил, что товарищ Ефимки предупреждает о больших торосах впереди и старался покрепче сидеть на нарте. Но предупреждения товарищей якутов становились более частыми и я решил изменить своё положение. Я лёг на нарту вниз животом и ногами, спущенными с нарты, стал управлять нартою как рулём, тормозя по льду в местах наиболее торосных. Такое моё положение на нарте много было удобнее, нарта не бросалась с тороса на торос, в особенности в сторону и я слегка ногами задерживал её при спуске с больших торосов. Тогда как раньше, когда я сидел на нарте, нарта неожиданно для меня скатывалась так быстро с тороса, что я едва не вылетал к оленям с нарты и не попадал к ним под ноги.

Так мы проехали минут двадцать и были уже на самой середине Лены, приблизительно отъехав от берега версты три. Снег шёл густыми хлопьями, а ветер так сильно дул, что вкупе с сумерками, не давал возможности что либо рассмотреть на расстоянии даже сажени.

Не было никаких признаков дороги и направление держалось только благодаря чутью и опытности Ефимки и его товарища.

Вдруг я почувствовал, как нарта моя скользнула с тороса и остановилась... Я прислушался... Впереди меня что-то булькало... Когда я взглянул вперёд, к оленям, то ужас предстал предо мною во всей своей полноте...

Впереди меня была огромная полынья, олени наши плавали в воде и своими усилиями выпрыгнуть из воды, только увеличивали размеры полыньи. Комурган¹ моей нарты тоже был в воде...

Простая случайная моя осторожность, как оказалось, спасла меня от смерти не переменяя моего положения и не устроив тем самым тормоз для нарты, нарта быстро с тороса соскользнула бы в полынья и увлекла бы с собою и меня путешествовать подо льдом красавицы Лены к северному полюсу...

¹ Комурган — дугообразно загнутый тальниковый прут впереди нарты, через который продевают ремень к упряжным лямкам.

Больших трудов и усилий потребовалось от якутов для того, чтобы олени выпрыгнули на твёрдый лёд... После долгих трудов оленям подсунула под шеи палки — таяхи и только с помощью их они выпрыгнули из воды...

Вытащив оленей, а затем и скатившуюся в воду нарту, якуты, указав мне ледяной перешеек, между двух больших полыней и подав палку, помогли мне перейти на ихнюю сторону.

Часа через три мы той же дорогой возвращались домой. Доехав до полыньи, Ефимка нашёл небольшой ледяной мост между полыньями и свободно прошёл сначала сам, а затем провёл оленей и вместе с ними и мою нарту.

Не умилоstinил

Медленно поднимался наш караван, из двадцати оленьих нарт на вершину горного перевала Эбэтем.

Приютился Эбэтем в отрогах Верхоянского хребта, цепью голых гор своих, спускавшегося к берегам Ледовитого моря, к морской губе Бор-Хая.

Высок был для перевала подъём, во не было в отрогах подъёмов и ниже Эбэтема. Как гордые великаны стояли вершины гольцов среди облаков и туманов.

Уставали быстроногие олени, красавцы севера, и не раз приходилось подкреплять отдыхом, ослабевшие их силы.

Мал был отдых — минут пять стоянки, но не прихотливый олень был доволен и этим. Выносливые животные пользовались минутным отдыхом подбадривали себя ягелем освежали себя рыхлым снегом, с жадностью глотая его, и снова бодро и стойко, постукивая копытцами, шагали к вершине перевала.

Подымался караван выше и выше над ущельем Эбэтема и всё дальше и дальше оставлял за собою лесистую местность ущелья.

Это был последний лес по дороге к Устьянску, последнее украшение небогатого растительного царства в неприветливом севере.

Дальше уже тянулись голые верхушки и скаты гор, покрытые блестящими от лучей солнца снегами. А там... Там тянулась гладкая, широкая, но величественная Приянская тундра.

Потянется за горным перевалом на сотни вёрст эта безлесная тундра, утомит глаз своим однообразием и снеговой гладью и нагонит на человека страшную жуть и уныние, в периоды пурги.

И поднимаясь всё выше и выше на перевал невольно повёртываешься на карте назад и долго долго, не сможешь оторвать своих глаз от чахлых и голых, но милых лесинок — под горою в ущелье.

Ещё одно усилие оленей, один пробег быстроногих — саженой в тридцать, и мы на вершине перевала.

— Вот здесь, сказал якут-ямщик, — дух ветра и горы имеет своё жилище. Здесь он всегда живёт и с высоты этого перевала наблюдает за всеми. Он гневен и могуч. Его нельзя гневить. Он каждую минуту может разгневаться на непокорных и пустить в ущельях и по вершинам гор гулять такой сильный ветер, что парты, кибитку и олени, как птичьи перья, легко снесутся вниз под гору... А посмотри теперь, как страшно под горою, в особенности вон там; где всё ущелье забито снегом.

На площадке перевала, покрытой снегом, укатанным ветром и нартами, я увидел место приношения духу гор и ветра.

Небольшая, воткнутая в снег, с перекладиной паподобие креста, палка была увешана различными подарками проезжих.

Красненькая ленточка, отрывок ситца, лоскут от грязной рубахи, рог оленя, листья табака и другие недорогие предметы своеобразно украшали палку и как бы умилоствляли горного духа. А внизу на земле, в снегу около палки, валялись мелкие деньги, спички, окурки и другие приношения «верующих», как дар и благодарность хозяину горы и властелину ветра.

Лёгкий ветерок колыхал украшения палки и шелестел ленточкой и тряпкой.

Все подошли к «шаману». Так называют это место русские и якуты-торговцы.

И каждый, все кто подходил и к «духу» и «шаману» не мог решиться отойти от палки без подарка.

Я тоже подошёл и стал смотреть на спутников.

Один из них положил к подножию шамана спички, другой щепотку табаку, а третий маленькую медную монету.

Исполнив северный обычай, мы покатили дальше.

Быстро катились нарты под гору, по торно-укатанной дороге, но быстрее нарт бежали, отдохнув, олени.

Скоро спустились мы с вершины перевала и быстро мчались ущельем к долине Хара-Улаха...

Вдруг что-то серое показалось впереди нас из-за горы, и через полчаса стало заволакивать небо.

Подул сначала небольшой ветерок, а вскоре началась и пурга...

Ехать было опасно... Мы остановились... Устроили своё жилище, из мятых кож оленя — тордох, поставили внутри тордоха железную печку, постлали на пол оленьи шкуры и стали пережидать пургу.

А она с каждой минутой становилась всё грознее, то завывала, то свистела и охала за тордохом, то несла с собою груды снега и стучала тордохом, как будто старалась ворваться в наше жилище...

— «Вот видишь, как дух горы и ветра рассердился!» сказал мне якут-проводник. «А виноват всё ты. Зачем ты не дал ничего шаману?»

Кабалу выиграли

Стоял декабрь. Вечерело. Мелкорослая якутская лошадка, вяло постукивая копытами, тащила дровни с двумя якутами. Полозья выводили унылую, однообразную ноту и от мороза порывисто поскрипывала упряжь. Впереди виднелась, равномерно покачиваясь, самодельная уродливая якутская дуга, костлявый зад лошади и однообразная тайга.

Дорога шла по густому лесу между мохнатых, как бы окоченелых деревьев. Царил таинственный сумрак и тишина. Путники своим угрюмым видом и молчанием вполне гармонировали с окружающей сонной природой и не нарушали ничем её покоя. Изредка один из них, управляющий лошадей, слезал с саней почистить обледенелые

ноздри лошади и снова садился рядом с товарищем, сопровождая своё телодвижение монотонным покрикиванием в сторону лошадки: «Сат, сат, сат!»

Долго они ехали молча по лесу: наконец, дорога круто повернула влево и потянулась по краю аласа. Вскоре в темноте блеснули ледяные окна якутской юрты и показался дымок с мелкими частыми искрами, которые игриво повертевшись над трубой, беспомощно гасли на лету и исчезали бесследно в пространстве. Путники подъехали к юрте. Кругом было тихо, так же как и в лесу и только дворовая собачка, сначала не совсем охотно а потом торопливо, немного полаяла на приезжих и с чувством собачьей гордости, в исполнении своих обязанностей, подбежала обнюхивать гостей.

В юрте царил полумрак. В камельке слабо горели, потрескивая, сырые дрова, а на столе мерцала сальная свечка, вставленная в самодельный, до невозможности грязный, деревянный подсвечник. У стола сидели два якута, допивая бутылку водки. Один из них был сухой и длинный, с чёрными густыми бровями, с ввалившимися глазами и землисто-серым цветом лица, на подбородке у него болталось несколько десятков волос, заменявших бороду, Усы небрежно были подстрижены. Другой — сидящий против него — плотно сложенный, низенький мужчина, лет 25-ти, несколько отличался от других якутов и свежестью своего лица и сравнительной опрятностью своей наружности. Путники войдя в юрту перекрестились по несколько раз на засаленные и продымлённые образа и обменялись с сидящими обычными фразами приветствий.

— Здорово, дагор;

— Здорово, здорово! Капсе дагорум¹; — ответили почти в один голос сидящие в юрте.

Приезжие отряхнули с себя снег, сняли верхнее платье и не дожидаясь особого приглашения, сели к столу.

Плотно сложенный якут пригласил их выпить по рюмочке.

Гости охотно приняли приглашение, выпили по рюмочке, и в юрте завязалась оживлённая беседа. Говорили обо всём: плохом урожае, о

¹ Капсе дагорум — рассказывай, друг.

погоде, о ценах на разные продукты в Якутске и т. п. Наши путники рассказали что они поехали в город за хлебом, которого у них в наслеге благодаря нынешнему недороду, невозможно достать и вот они продали быка и выехали в город.

— «Совсем плохо нынче живём, хлеба то нету, масло то всё купцам продаём, совсем нечего кушать, ребята совсем отощали. Беда, дагор; кругом в наслеге все голодают. Наш сосед Петрушка, так тот одним чаем давно питается, даже пухнуть начал с голоду, — рассказывал один из приезжих слушателям.

Сухой якут что-то шепнул хозяину, опрятному якуту, тот немного погодя предложил своей жене угостить гостей и что-то добавил ей на ухо. Хозяйка, закутавшись в шаль и вооружившись якутским ножом, вышла на улицу и вскоре вернулась оттуда с кусками хаяка¹ и с бутылкой водки под шалью.

Расколов хаяк на мелкие кусочки, она поставила его вместе с водкой на стол и стала угощать гостей.

Хозяин помогал ей угощать приезжих, а сам как бы готовясь к важному и серьёзному делу почти ничего не пил и делал лишь вид, что пьёт, выливая из своей рюмки незаметно в чашку. Сухой якут пил тоже мало, притворяясь больным и так же, как хозяин, помогал хозяйке наливать в рюмки путников. От обильного угощения наши путники повеселели, стали словоохотливыми и один из них даже запел.

Он пел об огне, который колыхался в камельке юрты, о водке, о морозе и переходил песнею в мир блаженства, забывая и про недород, и про проданного быка, и про необходимую покупку для себя и семьи хлеба.

Вдруг песня его как-то сразу оборвалась, и якут без приглашения потянулся к рюмке

— Сёп, сёп! Так-так! — засуетился хозяин и, как бы обрадованный жестом своего гостя, поспешно наполнил его рюмку. Сухой якут насторожился и когда гости выпили, спросил их спокойно:

— Не играете ли вы в карты? Можно бы теперь, пока рано, сыграть по небольшой.

¹ Хаяк — приготовление из сливок и молока, употребляется в пищу кусочками в мёрзлом виде.

Один из якутов ответил, что он по маленькой играет, но только теперь боится играть.

— Э, брось; — вмешался хозяин, обращаясь к сухому якуту. — И как тебе хочется играть по небольшой, разве не знаешь, что по небольшой легче проиграться. Оставь. Много ли у них денег.

Ну давай по большой. — обидчиво крикнул другой приезжий якут сухому. Все сорок рублей поставлю, а играть давай,

Вскоре завязалась и игра в карты. Играли в карты. Играли азартно и долго, сначала в буры, а потом перешли, по предложению сухого, на стос.

* * *

Наутро наши путники с пустыми карманами и с поникшими головами ехали обратно домой, обвиняя друг друга в слабости и попустительстве.

— Абытай!!! Абытай!!!¹ — Восклицали они дорогой. — И чего только мы наделали, сорок три рубля проиграли в карты. Харен² нашим денежкам! Абытай, абытай! Куцаган киги — (плохой человек) в гости попали. Быка-то продали, деньги-то проиграли: как домой поедем? Дома хлеба надо. Ребята голодом сидят. Совсем плохо сделали.

И оба опечаленные старались найти выход из создавшегося положения.

Вдруг правивший лошадьёю круто повернул её в сторону и сказал товарищу.

— Дагор, едем к тойону Ивану. Попросим у него под масло денег и поедем в город. Он хотя и возьмёт много лишнего, но зато даст деньги.

Товарищ молчаливо согласился.

Тойон Иван был дома. Он долго не решался дать денег, но наконец согласился выдать им под масло сорок рублей, назначив сам цену за масло и взяв с якутов расписку.

* * *

¹ Абытай, абытай! — Больно, больно!

² Харен — конец, пропали!

Прошло два года. Якуты уже несколько раз возили Ивану масло, но проценты росли так быстро, что долг их уменьшался медленно и до сего времени оставалось за ними ещё больше половины.

Проказа

Там, где сейчас на косогоре, около речки Омолой, стоит одиноко заброшенная старая покосившаяся на бок юрта, жил лет десять тому назад рыболов тунгус Хара-харахта¹. Жил он в своей юрте долго, с первого дня своего появления на свет, и по примеру дедов и отца ловил в Омолое рыбу, а зимою на собаках возил её в Устьянск и там обменивал её у купцов на чай, муку, табак и сахар.

Одинокая жизнь Хара-Харахта, вдали от людей, среди дикой и голой тундры, была однообразна и монотонна, и никогда не обращала на себя внимания не только купцов и проезжающих по тундре, но даже и своих соседей сородичей. Жил Хара-Харахта просто, нетребовательно, Жил так, как живут и все тундренные тунгусы и якуты: днём работал и ел, а вечером засыпал на всю ночь безмятежным сном праведника, забывая и свою утомлённость и одиночество. От купцов он получал всё необходимое, и был не только доволен своей жизнью, но считал себя даже не бедным тунгусом-балыксытом². Было у него штук десять оленей, да пол-десятка песцовых ловушек, и редкий год Хара-Харахта не добывал до двадцати песцов и не имел про чёрный день рублей на сто пушнины.

А чёрные дни бывали и у него. Голодный, безрыбный год приносил много горя тундренным рыболовам, но Хара-Харахта всегда в своих запасах находил себе материальное подспорье.

Однажды Хара-Харахта, закидывая в реку невод, споткнулся о корягу и увлекаемый течением воды и тягою невода, повалился в воду, и, наткнувшись на сук коряги, поцарапал себе лицо и проколол глаз. Кое-как Хара-Харахта выбрался из воды, освободил невод и обессиленный добрался до юрты. Там он промыл раны водою, перевязал грязной тряпкой свой глаз и терпеливо стал выжидать

¹ Хара-Харахта — чёрные глаза.

² Балыксыт — рыболов.

выздоровления. Но раны лица и глаза от грязной тряпки с каждым днём делались всё хуже и хуже: глаз покрылся гноем, распух и выдвинулся из глазных пазух, а раны лица подёрнулись серым налётом и производили ужасный вид. Так продолжались дни за днями, недели за неделями. Гной делал своё дело, выпучивал глаз из орбит, разрушал его и разъедал раны лица, превращая их в язвы.

Однажды мимо юрты Хара-Харахтаха проезжал русский участковый врач из Верхоянска. Это был обычный, через 2-3 года, объезд врача по участку и для того, чтобы успеть побывать везде и всюду и занести в свой журнал лишнюю запись для годовых отчётов, он как метеор перелетал от одной юрты к другой и заполнял диагнозами свою записную книжку. Заехал врач и в юрту Хара-Харахтаха.

Пока ямщик-якут поправлял упряжные лямки у оленей, врач решил принести человечеству пользу и полечить Хара-Харахтаха. Подозвав к себе больного, врач велел ему снять с глаза повязку, и когда тот открыл, врач... ужаснулся.

Перед ним открылась зияющая, с грязно-серыми стенками впадина вместо глаза, и с десятков язв па лице с плотными, оmozоленными краями.

«Проказа!» – ужаснулся врач и выбежал из юрты...

Вскоре из Устьянска приехал улусный голова, а с ним родовой староста и двое десятских и привезли строгое предписание.

«Согласно предписания врача Незнаева, всё имущество тунгуса Хара-Харахтаха, как больного заразной болезнью-проказою, подвергнуть сожжению, а самого Хара-Харахтаха отправить в Верхоянскую окружную больницу...

«Ничего не мог сказать Хара-Харахтах в свою защиту, да и не слушал его никто, бедного...

Прошло полгода. Вместо врача Незнаева в больницу приехал другой врач и, не найдя у Хара-Харахтаха проказы, выписал его из больницы...

Но не мила была теперь свобода Хара-Харахтаху.

Пустая юрта на косогоре, две-три оленьи кости, обглоданные волками, да несколько головешек оставшихся от костра, на котором было сожжено имущество Хара-Харахтаха, заставили содрогнуться его и горько заплакать.

«Куда, куда пойду я обездоленный.» Плакал Хара-Харахтах, вспоминая прошлое...

И ходить с тех пор Хара-Харахтах по Устьянску, от юрты к юрте, побираясь Христовым именем и проклиная злосчастную корягу и врача Незнаева.

Смерть Уйбана¹

Весело потрескивали смолёные поленья в камельке и, как бы подбадриваемые своим треском, загорались всё ярче и ярче и освещали все уголки убогой юрты Уйбана.

Иногда поленья с шумом лопались и сотни искр, словно играя разлетались в разные стороны, а иные из них, взлетали быстро кверху, теряясь в деревянной трубе камелька.

Уйбан жил на самом конце стойбища.

В обычное время он целыми днями скитался по тундре и приискивал себе средства к жизни. То ставил по тундре пасти под песка, то разбрасывал на пригорках пометы лисицам, то уезжал на своих собаках к ближней опушке леса и рубил там для камелька поленья.

Он родился и вырос в тундре, и тундра для Уйбана, как родная мать, припасла всё необходимое. А за это Уйбан делился с тундрой своими радостями и горестями и, сидя на олохе², под шум ветра и тишину северной ночи рассказывал ей в песнях всё, что наболело у него на душе...

Редко бывало, увидишь Уйбана среди своих сородичей праздным.

Только в праздники он заходил к агабыту³ посидеть вечерком, рассказать ему про свой пушной промысел и узнать затундренные новости.

¹ Уйбан — Иван.

² Олох — легкие выездные оленьи сани.

³ Агабыт--священник.

Уйбан любил праздники, но больше всех он любил, как и другие инородцы, Николу.

Почему он любил больше всех праздников Николу, он не знал, но если бы кто-нибудь спросил его об этом, то Уйбан, не задумываясь, ответил бы.

— О, это большой святой, большой святой!

Любил он и Рождество, — и теперь ждал с каким-то благоговением завтрашнего дня. Он знал, что завтра все будут отдыхать, наденут новые разноцветные платья, в церкви будут благовестить в большой колокол и рано утром священник с крестом будет обходить все юрты.

Всё это нравилось Уйбану и настраивало его чувство на торжественный лад.

Сидя перед своим камельком, Уйбан подбрасывал с удовольствием в огонь поленья и, перекидываясь шутками с женою своею Матрёной, рассказывал ей тундренные новости.

И от яркого камелька, и от весёлого настроения Уйбана в юрте было и тепло, и радостно, и уютно...

Вдруг вдали что-то зашумело, подбежало с шумом к юрте Уйбана и стало стучаться в стены её...

Огонь в камельке, как бы испуганный шумом, приник к поленьям и в юрте стало темнее. По стенам забегали расплывчатые тени, а в углах юрты стало темно и мрачно...

На улице начинался ветер, тот северный ветер, который дует в тундре по много дней, не выпуская никого из юрты и не давая пощады путникам; тот ветер, который часто роднит несчастливцев навеки с тундрою, оставляя их лежать заочеченными под сугробами принесённого отовсюду снега.

Уйбан хорошо знал все привычки этого северного гостя. Он быстро подбежал к двери, приоткрыл её и посмотрел, что делается на улице.

Ветер нёс рыхлый и мягкий снег.

Через несколько минут кругом юрты Уйбана стоял такой шум ветра, что дрожь пробегала по телу и невольно закрадывался страх за путешественников по тундре.

Уйбан сразу определил, что это за пурга. Он отошёл от двери и, обращаясь к Матрёне, сказал: «Улахан тел колля (большой ветер идёт). Однако, дня три дуть будет. Надо запастись дровами, а то опоздаем, и будем сидеть все дни без дров. Сильный ветер идёт, и нельзя будет выйти из юрты.»

Уйбан накинул на себя истрёпанный сокуй¹ и вышел на улицу.

Ветер становился всё порывистее и порывистее и переходил в грозную северную пургу. Он с силою набегал на юрту Уйбана и нёс с собою груды снега.

С противоположной ветру стены юрты он уже сравнял снегом поверхность земли с потолком, а вокруг столба, вкопанного вблизи юрты для оленей, образовал глубокою снежную воронку.

До дров от юрты было сажени три.

Уйбан, выйдя на улицу, повернул лицо в противоположную от ветра сторону и уверенной походкой направился к дровам.

Вот он уже около дров.

Полено за поленом кладёт Уйбан в охапку и, боясь задохнуться от могучих порывов ветра, поворачивает в разные стороны свою голову. Но беспощадный ветер кружится вокруг Уйбана и как бы нарочно лезет ему в рот, закидывая лицо хлопьями снега.

Ещё одно — два полена и работа Уйбана окончена... но вот, порыв ветра с такой силой ударил Уйбана, что он пошатнулся и выронил всю охапку... А ветер не унимался и с большой яростью набросился на Уйбана, он залезал к нему в рот, закидывал его снегом и крутятся вокруг Уйбана, образовывал около него снежную воронку.

Уйбан заслонял лицо руками, прятал его в рукава сокуя, но сердитый ветер со всей яростью и злобой залезал к нему всюду и затруднял Уйбану дыхание.

Уйбан попробовал бежать к юрте, но затруднённое дыхание вызывало у него при малейшем движении одышку, а сугробы нанесённого вокруг него снега, как баррикады, парализовали его движения.

¹ Сокуй — пальто в виде рубашки из оленьих шкур.

Он хотел было крикнуть о помощи, но голос его сразу оборвался, и рот забило снегом. Он чувствовал, как за недостатком свежего воздуха, сердце его билось всё чаще и чаще, в ушах появлялся и с каждой минутой усиливался надоедливый звон, а в голове что-то шумело...

Не в силах двинуться, Уйбан стоял среди стонущей и ревущей пурги и надеялся лишь на милость к нему Бога тундры и ветра.

Назавтра, когда стихла пурга, священник, придя с крестом к Уйбану, нашёл его заочневшего около дров, а жену Уйбана Матрёну, около юрты.

Суд Божий

Когда огонёр¹ якут Сяття-Сырай² испустил последний дух и закрыл навсегда свои чёрные глаза, — душа его протиснулась с телом и полетела на небо, чтобы там перед престолом Всемогущего отдать отчёт во всех своих земных деяниях и получить от Всемогущего новое земное существование, вселившись в тело новорождённого человека.

На третий день своего путешествия душа Сяття-Сырая предстала перед сияющим лицом повелителя мира.

В тот же день был назначен над нею суд.

Судить душу собрались, кроме самого Всемогущего, все злые и добрые духи и хранители душ человеческих.

Когда все заняли свои места по правую и левую сторону Всевышнего, он заговорил: — Душа огонёра Сяття-Сырая, ты должна теперь нам рассказать, что ты делала на земле, когда была в теле Сяття-Сырая. Что сделала там в своей жизни хорошего и что наделала дурного и злого. Говори же нам всю правду! Если твоих добрых дел будет больше, чем злых, то я пошлю тебя для новых подвигов на земле в тело кроткой женщины или птицы, если же злых дел твоих будет больше, чем добрых; я пошлю тебя в тело злого мужчины или зверя.

¹ Огонёр — старик.

² Сяття-Сырай — семилицый.

— «Всемогущий Бог неба и земли, всесильный повелитель зверей и человека,» — начала душа Сяття-Сырая. — Когда я была на земле, в теле Сяття-Сырая, я никогда не знала покоя. Тело Сяття-Сырая, как дикий олень тундры, редко когда находило себе отдых. Мы жили в великой тундре. Чтобы помочь и поддержать тело Сяття-Сырая, я должна была проводить с ним все дни, и ночи, и зимой, и летом, — то на пустынном берегу великого ледовитого моря, где Сяття-Сырай летом пас своих оленей, оберегая их от укусов тундровых комаров, то в глуши великой необъятной тундры, где Сяття-Сырай всю зиму гонялся за песцами и дикими оленями под свист сердитой снежной пурги, под покровом мрачного зимнего неба. Наша жизнь с Сяття-Сыраем не знала светлых солнечных дней. Даже летнее солнце и яркое зарево северного сияния не вызывали на лице Сяття-Сырая улыбки и радости. Все дни нашей жизни, Всевышний, были только днями работы. Мы бегали с Сяття-Сыраем по тундре, подымались на ветках из долблёного дерева, на гребни свирепых морских волн и там добывали себе нишу, Пища для нас с Сяття-Сыраем было всё. Но были у нас и другие заботы. Немало мы тратили сил, чтобы согреть и тело Сяття-Сырая. Но кроме пищи, мы должны были добывать себе и одежду. Чтобы прикрыть тело Сяття-Сырая, мы принуждены были ловить много, много песцов, лисиц, медведей.

И когда к нам приезжал из-за тундры и из-за гор, русский купец, мы всё ему отдавали, а он давал нам за это и одежду и пищу.

Но этот русский был очень злой человек.

Он так много брал себе от нас и песцов, и кости, и так мало давал взамен нашего со своих полно нагруженных нарт, что у нас никогда не хватало ни шкур песца, ни медведей, ни мамонтовой кости, чтобы заплатить ему за всё взятое у него с нарт и не работать потом целый год за старое. Мы с Сяття-Сыраем всю жизнь работали на этого злого человека и старались во всём угождать ему. Всемогущий Бог неба и земли, всесильный повелитель зверей и человека, в своей жизни мы с Сяття-Сыраем никогда не думали о грехах пред тобою, У нас не было времени подумать ни о худом, ни о добром. Тело Сяття-Сырая было постоянным рабом у суровой земной жизни, а я, душа Сяття-Сырая, должна была работать для тела. Мы так были заняты своей

работой, что даже не думали и о тебе, Всевышний. И если ты хочешь знать, что я сделала на земле худого или доброго, если ты хочешь меня судить, то лучше скажи мне сам, что накопилось худого у тебя за мною. Ты, Всевидящий, лучше меня знаешь, в чём я, душа Сяття-Сырая, виновата пред тобою. А я тебе дам во всём сделанном мною на земле ответ правдивый.

И отвечал Бог неба и земли душе Сяття -Сырая.

— «Душа Сяття-Сырая, я знаю, что ни ты, ни тело Сяття-Сырая не знали за всю свою жизнь ни отдыха ни покоя Я знаю, что жизнь ваша на земле прошла в исканиях пищи, в борьбе с суровым диким ветром и мрачной скверной ночью.

Когда я отсюда смотрел на тундру, то я видел как вы с Сяття-Сыраем гонясь за песцом и оленем, замерзали в тундре, как тонули в бурных волнах океана, как в поисках пищи вы засыпали в снегу, в тундре, не евши. Я всё видел, — и мне было вас жалко. Я видело., как гнулось тело Сяття-Сырая от тяжёлой непосильной работы, я видел, как ты порабощённая телом плакала. Но ты забыла, душа Сяття-Сырая, сказать мне и о том, как Сяття Сырай, отдавая шкуры зверя русскому купцу, играл в карты и пьянствовал. Это худые дела в жизни Сяття-Сырая, перед которыми ты, душа, должна оправдаться. Скажи же мне, чем оправдаешься ты перед мною?..»

— «Бог неба и земли, я знала, что ты Всевидящий, но я никогда не думала, что ты поставишь мне всё это в вину и будешь судить меня за слабости Сяття-Сырая. Так послушай же, что я скажу тебе в своё оправдание. Ты говоришь мне, что пьянство и картёжная игра большие грехи Сяття-Сырая, а про то и забыл, Всевышний, что всё это было не по доброй воле Сяття-Сырая, не потому, что он хотел этого сам, а потому что так хотелось сильному и жадному русскому человеку. Когда он привозил к нам свою русскую пищу и яркую, всех, всех цветов радуги одежду, взамен добытой нами пушнины и кости, он всегда хотел взять от Сяття-Сырая больше, чем он сам давал Ему жалко было дать своего, сколько следовало нам и он пускался на хитрости. Когда Сяття-Сырая он не мог сговорить одними словами, он напаивал его водкой. Он давал столько водки Сяття-Сыраю, что Сяття-Сырай забывал всё. Он забывал пургу, с которой боролся всю

зиму, забывал холодную воду океана, когда он с ветки падал в неё, забывал свой труд и тяжесть его. Ему было так радостно и весело от водки, что в это время у него не существовало ни нужды, ни печали, он готовь был отдать тогда купцу всё: и песца, и шкуры медведей, и мамонтовую кость. Он делался самым добрым человеком на свете. А когда и этого купцу было мало, он соблазнял его счастьем в карты и обыгрывал весь промысел у Сяття-Сырая. Когда я видела тело Сяття-Сырая распластанным на полу и безжизненным после угощения его злым человеком, когда я видела, что всё добытое нами с таким трудом у суровой тундры и океана ушло в руки русского, я плакала и рыдала над телом Сяття-Сырая, и считала всё это за ниспосланное тобою на меня наказание, Всевышний. И ты теперь, Всесильный, когда я предстала пред тобою, ставишь это в вину и готовишь наказание?!. Но, Всемогущий повелитель, почему ты не обвиняешь душу русского купца! Почему ты не снимешь с меня это обвинение?! Почему не прикажешь призвать душу русского к себе и не заставишь её перед тобою устыдиться и покаяться? Разве души русских не находятся в Твоей власти, Вседержитель?»...

Задумался Бог неба и земли над словами и оправданием души Сяття-Сырая и велел подойти к себе духу-хранителю души русского купца.

«Дух, хранитель души русского купца, запомни всё, что сказала в своё оправдание душа Сяття-Сырая, и призови ко мне душу купца для того, чтобы я мог наказать её за все её худые дела.

А ты душа Сяття-Сырая, за то что сказала мне всю правду, за то что страдала на земле и плакала над телом Сяття-Сырая, иди вновь на землю и вселись в тело рождённой в этот день женщины. И когда я тебя призову опять к себе на суд, то снова дашь мне правдивый ответ о сделанном тобою на земле.»

И заиграли в громкие трубы все добрые духи и хранители душ человеческих. И спустилась душа Сяття-Сырая вновь на землю и вселилась в тело кроткой женщины.

* * *

Издание журнала «Ленские Волны» в Якутске. 1916 г.

OCR Андрей Дуглас